DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.12>

УДК 1(091)

ББК 87.3(2)6

КРИТИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА (1890-е – НАЧАЛО 1900-х гг.)

Андрей Викторович Шумской

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Уральский государственный университет физической культуры
shav.82@mail.ru
ул. Орджоникидзе, 1, 454091 г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается ранний период творческой деятельности Н.А. Бердяева, начало его философского пути. В своей первой публикации, посвященной немецкому неокантианцу Ф.А. Ланге, Николай Бердяев выступил как критический марксист, пытавшийся синтезировать марксистскую доктрину с трансцендентальной философией Канта и неокантианцев. В духе критического марксизма была также написана им первая книга под названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». В ней Бердяев предпринял попытку противопоставить философскому мировоззрению Н.К. Михайловского основные принципы критического марксизма, сторонником которого он являлся. Опираясь на базовые положения трансцендентального нормативизма, Бердяев считал необходимым дополнить философскую теорию марксизма тремя аргументами: познавательным, психологическим и этическим. В работе им была сформулирована теория мессианства пролетариата, выдвинут принцип телеологизма и прогресса во всемирной истории. Посредством обращения к критической философии и неокантианству Бердяев пытался гносеологически укрепить философскую теорию марксизма, сохраняя его социологическое учение. На базе критической философии он постепенно эволюционировал в сторону идеализма. Период критического марксизма стал для Бердяева важным этапом самостоятельного философского творчества, в котором он впервые конституировал свое философское мировоззрение.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, критический марксизм, неокантианство, трансцендентальное сознание, телеология, прогресс, этика.

В 1890-е – начале 1900-х гг. Николай Александрович Бердяев примыкал к русскому критическому марксизму, заметному те-

чению в кругах революционной интеллигенции рубежа XIX–XX веков. Критический марксизм стал важной школой мысли и началом восхож-

дения на «философский олимп» для молодого Бердяева. Спустя много лет в автобиографии Николай Александрович напишет: «...выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней» [2, с. 53]. Бердяев как философ начал формироваться во вторую половину 1880-х годов. Встреча с марксизмом произошла у него в 1894 году. Вспоминая начало своего творческого пути, он отмечал следующее: «Я почувствовал, что поднимается в русской жизни что-то новое и что необходимо определить свое отношение к этому течению» [2, с. 138]. В марксизме его пленили прежде всего историософический размах, широта мировых перспектив, высокий культурный уровень по сравнению с другими течениями революционной интеллигенции. Николай Александрович признавался, что стал критическим марксистом, и это дало ему возможность остаться идеалистом в философии [2, с. 140].

Свою первую философскую книгу под названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» Бердяев написал в 1901 году. Она была посвящена критике «субъективной социологии» Н.К. Михайловского, яркого социолога и публициста второй половины XIX века. Ее издание стало заметным событием в среде русской интеллигенции, особенно в левых кругах. Предисловие к ней было написано лидером русского критического марксизма П.Б. Струве.

До выхода в свет первой работы молодой Бердяев уже пробовал себя на литературном поприще. Из-под его пера вышло несколько десятков рецензий, предметом которых стали книги по истории философии, этики и культуры, произведения классиков философии. В 25 лет Николай Александрович публикует свою первую статью, посвященную немецкому неокантианцу Фридриху Альберту Ланге и его главному труду под названием «История материализма». Высоко оценивая книгу Ланге, он писал: «...она действует необыкновенно освежающим образом на мысль, ставит много вопросов, побуждает к критическому пересмотру основных устоев мировоззрения, колеблет тот догматизм, которым, к сожалению, заражено даже симпатичное

для нас направление» [3, с. 256]. Для Бердяева Ланге поучителен в самих своих противоречиях как типичный эклектик, стоявший на рубеже двух исторических эпох. В статье, посвященной Ланге, Бердяев уже позиционировал себя как сторонник марксистской доктрины. С его точки зрения, высшие продукты человеческого духа, в особенности философия, зависимы от общественных отношений. Под борьбой философских мировоззрений скрывается реальная борьба общественных групп. Философию он рассматривал как сложный продукт душевной жизни человека, который обуславливается определенной исторической формацией [3, с. 257].

Заявляя о себе как о стороннике марксизма, Бердяев в то же время в статье высоко оценивает философию Канта, характеризуя ее как одну из самых глубоких в истории умственного развития человечества, в высшей степени пригодную для того, чтобы освежить и обновить человеческую мысль. С общественно-исторической точки зрения он рассматривает ее как философию компромисса; она для него половинчата и противоречива. Противоречивый характер философии Канта он объясняет психологическими причинами, точнее той дисгармонической психологией, которая вырабатывается дисгармоническими условиями жизни [3, с. 258–259].

Статья принесла успех начинавшему философу и явилась отправной точкой его философского «взлета». Для Бердяева было вдвойне приятным, что его первая публикация получила положительную оценку одного из лидеров немецкой социал-демократии Карла Каутского. Первоначально статья была опубликована в 1899 г. в немецком журнале «Neue Zeit», органе германской социал-демократии, а в 1900 г. в измененном виде была напечатана в русском марксистском журнале «Мир Божий».

Как и первая статья, дебютная книга Николая Бердяева была написана в духе критического марксизма. В ней он пытался заявить о себе как о самостоятельно мыслящем философе, стремящемся обновить и развить марксистскую теорию, особенно ее философские основы. В первой книге отразился переходный этап развития философского мировоззрения Бердяева, стремительно эволюциониро-

вавшего в сторону идеализма. К моменту издания книги Николай Бердяев уже был на перепутье¹. В письмах к П.Б. Струве Бердяев предельно откровенно высказывался о несовершенстве и недостатках своей книги².

Свое философское мировоззрение на тот период он характеризовал следующим образом: «...в своих философских взглядах я ближе всего стою к Канту и Фихте, а в социальном к Марксу и Лассалю... Я особенно дорожу мнением П.Б. Струве, самого крупного представителя того направления, к которому я и себя причисляю... более всего я дорожу соединением известных общественных взглядов с философским идеализмом – в этом мой личный вклад» [5, с. 56].

В автобиографии Бердяев отмечал, что в своей первой книге ему удалось поставить проблему, которая беспокоила его всю жизнь. Она сводилась к тому, что познание зависит от ступеней социальной общности людей³.

Книга Бердяева вызвала много противоречивых отзывов и оценок у современников, как похвальных, так и критических. П.Б. Струве, в то время уже отошедший от критического марксизма в сторону идеализма и метафизики, признавался, что книга «обозначила поворот русского марксизма к философскому идеализму» [3, с. 13]. Литературный критик, социолог и писатель Иванов-Разумник отмечал, что «книга Бердяева явилась характерным примером перехода от диалектического марксизма через трансцендентальную философию к трансцендентной. Она не открывала новых путей перед русской философской мыслью, а только подводила философские итоги критического течения в марксизме 1895–1900 гг.» [4, с. 453]. Ортодоксальный марксист Л. Аксельрод оценивала книгу Бердяева как реакционную и направленную против революционной стороны марксовой теории [1, с. 128].

Предметом критики молодого Бердяева становится мировоззрение Н.К. Михайловского, выдвинутые им философские и социологические понятия, идеи и концепции. Расходясь с Михайловским по основным мировоззренческим вопросам, Николай Александрович противопоставил его субъективизму объективизм трансцендентально-нормативного неокантианства. Вслед за немецкими неокантианцами, а также П. Струве и

С. Булгаковым, он пошел по пути соединения критицизма и марксистской социологии⁴. Вооружившись идеями немецких неокантианцев, прежде всего, А. Рилья, Г. Когена, Р. Штаммлера, В. Виндельбанда и Л. Вольтмана, Бердяев попытался двинуть вперед марксистскую доктрину, привнести в нее свежую струю⁵. Вышеупоминавшийся Иванов-Разумник называл Бердяева верным учеником Виндельбанда, следовавшим за ним [4, с. 456]. Отчетливый след немецкого неокантианства и нормативной теории познания находил в книге Бердяева П.Б. Струве⁶. Помимо субъективной социологии Михайловского Бердяев пытался оппонировать крупным философским течениям и направлениям того времени – позитивизму, неокантианству, ортодоксальному марксизму.

По переписке с П.Б. Струве видно, что Бердяев внимательно изучал неокантианскую литературу и отслеживал новые книги. Так, в письме от 23 ноября 1899 г. он обращался с предложением перевести прочитанную им новую книгу Людвиг Вольтмана «Исторический материализм. Изложение и критика марксистского мирозерцания». В письме он указывал, что ему явно симпатизировала тенденция Вольтмана оплодотворять марксизм кантианством. Вместе с тем Бердяев отмечал, что во многом с ним не согласен и даже хотел бы перевести книгу не иначе, как снабдив ее небольшой критической статейкой. Последняя часть книги, в которой Вольтман пытался связать марксизм и кантианство, Бердяев оценивал неудовлетворительно, характеризуя автора книги как «слишком правого кантианца» [6, с. 124].

В письме к П.Б. Струве от 25 февраля 1900 г. он сообщал о своем намерении перевести книгу Виндельбанда⁷, находил верной мысль Р. Штаммлера о том, что философия марксизма, особенно теория прогресса, сильно нуждается в некоторых положениях, установленных «Критикой практического разума» и «Критикой способа суждения» [6, с. 124].

Бердяев признавал философию Канта единственным союзником марксизма, способным освежить его и придать ему объективный характер. Из кантианства он заимствует только этику и теорию познания, решительно отвергая кантовский онтологический дуализм.

Книга Бердяева была центрирована вокруг выдвинутой Михайловским проблемы единой правды (правды-истины и правды-справедливости). Признавая слабость философских оснований мировоззрения Н.К. Михайловского, основную ошибку его «субъективного метода» он видел в гносеологическом смешении понятий логического и психологического. Вслед за Кантом и неокантианцами Николай Бердяев обращается к понятиям «трансцендентальный субъект», «трансцендентальная апперцепция» и находит в них общеобязательные логические элементы, а priori, составляющие предпосылки всякого познания, ему предшествующие. Психологизму и субъективизму он противопоставляет трансцендентальное логическое сознание.

Не ограничиваясь логическим а priori, Бердяев приходит к необходимости утверждения психологического а priori в познании общественных явлений⁸. Единство объективного и субъективного достижимо лишь при условии сочетания критической теории познания и социологии. Бердяев полагал, что марксизм указывал на правильный путь решения данной проблемы, но философская сторона вопроса в нем была неразработанной [3, с. 105].

В работе «Самопознание» он признавался, что в марксистский период пытался построить идеалистическую теорию мессианства пролетариата [2, с. 145]. Суть теории состояла в том, что для познания и выражения объективной истины благоприятна не всякая психология общественного класса, но только прогрессивного в данную историческую эпоху. Ее он рассматривает как результат приспособления к требованиям всемирно-исторического прогресса. Прогрессивный класс каждой последующей эпохи стоит ближе к объективной истине. Приближение к абсолютной истине составляет содержание исторического процесса, при котором постепенно устраняется субъективизм в познавательном процессе. Пролетариат поставлен в наиболее благоприятные условия для объективного познания гармонического единства трансцендентального и психологического сознаний. На этой почве Бердяев приходил к мысли, что зло в историческом процессе объективно уменьшается, а добро постоянно растет [3, с. 107].

Большим недостатком марксизма он считал отсутствие в нем философско-этического обоснования. Бердяев стоял на точке зрения, что общественный идеал марксизма не только объективно необходим и субъективно желателен, но и объективно-нравственен и объективно-справедлив, общеобязателен, имеет безусловную ценность как должное [3, с. 115].

Мировоззрение Бердяева было построено вокруг идеи прогресса, требующей признания объективного телеологического принципа. С точки зрения Бердяева, существует формальный общеобязательный идеал как абсолютная регулятивная идея и конкретный общественный идеал, исторически достижимый и относительный. Относительный идеал санкционируется абсолютной регулятивной идеей, его осуществление будет приближением к «царству целей» [3, с. 120]. Стремясь развить и обосновать марксизм в этическом смысле, он обращается к исходному пункту этики Канта – в трансцендентальном сознании коренится не только объективно-истинное, но и объективно-нравственное. Объективная нравственность возможна лишь в силу своего априорного характера. Бердяев был убежден, что этическое а priori играет такую же роль в области нравственности, какую категория причинности играет в области познания [3, с. 121].

Таким образом, Бердяев вводил в марксизм постулат нравственного миропорядка И. Канта, приближающий человечество к «царству целей». Движение к человеку и человечеству как самоцель не является врожденной идеей, а осознается лишь на путях социального прогресса. Нравственность, как и истина, не может быть классовой, но исторически она всегда принимает ту или иную классовую форму.

Свою аргументацию молодой Бердяев строил на одном фундаментальном предположении, с падением которого она рушилась – на предположении всемирного прогресса. Прогресс им определялся как переход от этически худшего к этически лучшему. Весь социальный процесс имеет для него этический смысл. Санкционируется прогресс внесением в исторический процесс регулятивной идеи общеобязательной цели. Без этого априорного принципа человечество не имеет четких

нравственных ориентиров [3, с. 126–127]. Отбросив кантовский дуализм и взяв на вооружение критическую теорию познания и этику Канта, Николай Бердяев следует постулатам социального и общеполитического монизма исторического материализма.

Высоко оценивая критическую философию в деле построения гносеологических основ марксизма, Бердяев большое значение также придавал психологии. Не соглашаясь с противопоставлением понятий «социальное» и «психологическое», существовавшим в марксизме, Бердяев предлагал смотреть на них как на тождественные понятия. Социальная причинность обусловлена психической причинностью. Основоположный постулат марксизма о первичности материального базиса над идеологической надстройкой Бердяев со всей решительностью отвергал. С этической точки зрения материальное он рассматривал как средство, а идеологическое как цель. Бердяев приходит к мысли, что материалистическое понимание истории не имеет никакой логической связи с так называемым философским материализмом [3, с. 131].

По мнению Бердяева, в законосообразном детерминированном процессе истории существует имманентная телеология. Социальный процесс имеет психическую, а не механическую природу [3, с. 134]. Бердяев настаивал на мысли, что законосообразный социально-исторический процесс есть результат деятельности людей. Придерживаясь материалистического понимания истории, он характеризовал исторический процесс как борьбу между классами, различными социальными группами.

Как критический марксист Бердяев целиком отвергал учение Канта об умопостижимом мире, рассматривая его как реакционное. Единственной правильной точкой опоры он признавал имманентную монистическую теорию познания и этику. Понятие «трансцендентное» он относил к категориям, уводящим в иллюзорный мир.

Враждебно относясь к метафизике, Бердяев приходит к выводу, что философский материализм может быть только результатом метафизического мышления в самом дурном смысле этого слова. Материализм, по его мнению, покоится на призраке материальной

субстанции мира, видит в мире, главным образом, вещи, материальные субстраты, а не процессы, не действительную энергию. Гносеологическую несостоятельность материализма Бердяев считал вопросом философской азбуки. Выступая радикальным противником фаталистов и сторонников свободы воли, он отстаивал детерминизм. На его взгляд, законосообразный исторический процесс творится волей и активностью человека, без человека нет истории. Историю он рассматривает как продукт коллективной работы человеческой массы.

Во взглядах Энгельса и Бельтова (Плеханова) Бердяев находил крупные гносеологические и философские недостатки. Формула Энгельса «свобода есть осознанная необходимость», по его мнению, ошибочна, так как является результатом смешения воедино психологической и гносеологической категорий. Бердяев был убежден в том, что человек обретает свою свободу не в противопоставлении своей волевой активности историческому процессу, а в слиянии с его прогрессивными тенденциями, в приспособлении к ним. На его взгляд, сознавать себя свободным может только тот общественный класс, воля которого приспособлена к требованиям социального прогресса. Залогом достижения идеальных целей, приближения к царству человечества он считал экономическое совершенство и развитие производительных сил, пренебрежение которыми безнравственно.

Для Бердяева исторический прогресс есть освобождение человечества. Человечество является и целью исторического прогресса, и его фактором одновременно. Он отмечал, что прогресс нельзя ставить в зависимость от какого-нибудь определенного идеала, он возвышается над всеми идеалами и санкционирует их [3, с. 159].

Идея прогресса для Бердяева была основана на существовании объективно-этической санкции, общеобязательной цели исторического процесса. Бердяев выступает противником старой телеологии и сторонником новой имманентной телеологии. В разрушении старой телеологии позитивную роль, на его взгляд, сыграли дарвинизм и эволюционизм⁹. В отличие от телеологии Канта и буржуазного неокантианства (Штаммлер и др.)

Бердяев исходил из того, что царство человечности может реализоваться не в умопостигаемом мире, а только в действительном мире явлений. Движение к конечной цели вечно, а идеалы достижимы, они составляют этапы в этом движении. Идея цели должна объединить правду-истину и правду-справедливость. Бердяев приходил к выводу, что нравственный миропорядок – это по существу религиозная идея, без которой жизнь бессмысленна [3, с. 163].

Итак, подводя итоги, отметим, что Бердяев в начале своего творческого пути являлся своеобразным эклектиком, стремившимся сочетать марксизм с элементами философии Канта и неокантианства. На раннем этапе своего философского пути Бердяев пытался обосновать и развить философскую теорию марксизма посредством обращения к трансцендентальному нормативизму. Он искал своеобразной точки соприкосновения кантианства и ортодоксального марксизма и нашел ее в критическом марксизме. Данное течение соответствовало на тот момент его философскому миропониманию. Но, как показала дальнейшая идейная эволюция Бердяева, ни марксизм, ни неокантианство, ни их синкретизм не стали для него той почвой, на которой он построил в дальнейшем свое философское мировоззрение. Таким образом, первая книга Николая Бердяева явилась отражением его первоначальных философских исканий и противоречий. В ней мы можем проследить важный этап его становления как философа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В книге «Самопознание» Н.А. Бердяев писал следующее: «...когда я получил экземпляр моей книги, то меня она уже не удовлетворяла. Я пошел дальше в повороте к идеализму, к метафизике, к проблемам духа. Моя революционность была скорее этической, чем социальной. Взгляды мои находились в процессе эволюции. Наряду с моей книгой, две статьи способствовали моей дурной репутации в кругах марксистских и вообще в кругах традиционной левой интеллигенции. Это уже упоминавшаяся статья “Борьба за идеализм” и статья “Этическая проблема в свете философского идеализма”, написанная в Вологде и напечатанная в сборнике “Проблемы идеализма”. В моей статье намечался мой “персонализм”. В ней можно было

обнаружить не только близость к Канту, но и проникновение темами Ницше. Меня начали считать изменником марксизма...» [2, с. 155–156].

² В письме к П.Б. Струве от 25 февраля 1900 г. Николай Бердяев писал следующее: «...я чувствую большие недостатки своей книги, недостаточную обоснованность ее положительных воззрений» [6, с. 128]. В письме от 14 марта 1900 г. Бердяев признавался Струве в следующем: «...я кое-где кривлю душой в своей книге и не высказываю всего так, как я это выскажу в личном письме или разговоре. Я органический противник ортодоксии и в этом Вам союзник...» [6, с. 132–133]. В своем очередном письме от 22 марта 1900 г. Николай Бердяев отмечал, что «перечитал ее в последний раз и не испытал полного удовлетворения... Мне кажется, что я все-таки не свел теоретических концов с концами, что мои воззрения находятся в процессе образования... Я, конечно, не считаю своего труда научным и придаю ему, главным образом, философско-публицистическое значение» [6, с. 133–134]. В том же письме Бердяев говорит о проекте задуманной им статьи, которой он хотел дать название «Борьба за идеализм».

³ Бердяев писал следующее: «Общеобязательность познания имеет не только логический, но и социологический характер. Это определяется тем, что познает не трансцендентальный субъект, не универсальный разум, а конкретный человек с известной душевной структурой, с зависимостью от социальных отношений людей. Никакое а priori само по себе ничего не гарантирует, потому что находится во внечеловеческой, трансцендентальной сфере. Необходимо определить отношение конкретного человека к этому а priori. В конце концов, это привело меня к экзистенциальной философии. Нужна социология познания, и я это рано сознал. Еще в марксистский период у меня явилась тоска и дурное предчувствие, связанное с революционным марксистским миром. Все это вело меня к внутреннему перевороту» [2, с. 146–147].

⁴ К тому времени и П. Струве, и С. Булгаков наметили переход от трансцендентализма к трансцендентной метафизике и философии.

⁵ В письме к П.Б. Струве от 25 февраля 1900 г. Бердяев писал: «Боюсь, что и Вы найдете у меня слишком уж рискованные метафизические тенденции. Вообще, я должен сознаться, что я прирожденный метафизик и что марксизм не излечил меня от этого. Самое страстное мое желание, это – поднять марксизм до заоблачных высот, придать ему, в конечном счете, идеалистический характер» [6, с. 127].

⁶ П.Б. Струве в своем предисловии писал следующее: «Бердяев разделяет ту формалистическую или трансцендентальную точку зрения, с которой общеобязательность познания гарантируется исключительно формами мышления и формальными (ап-

риорными) принципами его, упорядочивающими первичный хаотический материал наших душевных переживаний и превращающих их в “опыт”. Этот взгляд ведет свое начало от Канта... Быть может, наиболее ясное и, бесспорно, эстетически самое законченное выражение этот формализм в теории познания получил в трудах В. Виндельбанда» [3, с. 19].

⁷ «Спешу Вам сообщить, что с большим удовольствием возьмусь за перевод книги Виндельбанда. Прежде всего, я нуждаюсь в работе, затем я очень ценю Виндельбанда и потому постараюсь перевести его получше» [6, с. 127]. Замысел этот не был осуществлен; Бердяеву удалось перевести и издать лишь одну статью из сборника «Прелюдии» – «Нормы и законы природы» [3, с. 910].

⁸ «Психологическое а priori в нашем смысле слова всегда есть продукт опыта, оно создается жизнью, но оно может рассматриваться как предпосылка (конечно, не логическая) общественной науки, это относительное а priori. Главная заслуга Зиммеля та, что он понял необходимость социологической теории познания, но... Зиммель вступает на совершенно ложный путь, соединяя теорию познания и психологию воедино» [3, с. 104].

⁹ По мнению Бердяева, старая телеология приписывала и природе, и человеку извне навязанные цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксельрод, Л. И. Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли : сб. ст. / Л. И. Аксельрод. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1933. – 220 с.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Мир книги ; Литература, 2006. – 416 с.
3. Бердяев, Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Н. А. Бердяев. – М. : Астрель, 2008. – 1008 с.

4. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века / Р. В. Иванов-Разумник. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – Т. 2. – 538 с.

5. Колеров, М. А. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст / М. А. Колеров. – М. : ТРИ КВАДРАТА, 2002. – 224 с.

6. Лица. Биографический альманах. Кн. 3. – М. ; СПб. : Феникс ; Atheneum, 1993. – 496 с.

REFERENCES

1. Akselrod L.I. *Protiv idealizma. Kritika nekotoryh idealisticheskikh techenii filosofskoi mysli. Sbornik statei* [Against idealism. Criticism of some idealistic currents of philosophical thought. Collection of articles]. Moscow, State social and economic publishing house, 1933. 220 p.
2. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of the philosophical autobiography)]. Moscow, World of the book, Literature, 2006. 416 p.
3. Berdyaev N.A. *Subektivizm i individualizm v obshchestvenoi filosofii. Kriticheskii etud o N.K. Mihailovskom* [Subjectivity and individualism in public philosophy. The critical etude about N. K. Mikhaylovsky]. Moscow, Astrel Publ., 2008. 1008 p.
4. Ivanov-Razumnik R.V.. *Istoriya russkoi obshchestvenoi mysli. Individualizm i meschanstvo v russkoi literature i jizni XIX veka* [History of the Russian social thought. Individualism and narrow-mindedness in the Russian literature and life of the XIX century]. Saint Petersburg, Moscow, Stasyulevich's printing house, 1911, vol. 2. 538 p.
5. Kolerov M.A. *Sbornik «Problemy idealizma» [1902]. Istoriya i kontekst* [Collection «Idealism Problems» [1902]. History and context]. Moscow, «THREE SQUARES», 2002. 224 p.
6. *Lica. Biograficheskii almanah* [Persons. Biographic almanac]. Moscow; Saint Petersburg, Phoenix: Atheneum, 1993. 496 p.

CRITICAL MARXISM OF NIKOLAY BERDYAEV (1890s – EARLY 1900s)

Andrey Viktorovich Shumskoy

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Social Humanities,
Ural State University of Physical Culture
shav.82@mail.ru
Ordzhonikidze St., 1, 454091 Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. In the article the early period of creative activity of N.A. Berdyaev, the beginning of his philosophical way is considered. In the first publication devoted to the German neokantian philosopher F.A. Lange, Nikolay Berdyaev acted as the critical marxist, trying to synthesize the marxist doctrine with transcendental philosophy of Kant and neokantians. In the spirit of critical marxism the first book under the name “Subjectivity and individualism in public philosophy” was published. The critical essay about N.K. Mikhaylovsky was also written by him. N.A. Berdyaev made an attempt to oppose the basic principles of critical marxism to philosophical outlook of N.K. Mikhaylovsky. Being guided by basic provisions of a transcendental normativizm, N.A. Berdyaev considered necessary to add three *a priori* to the philosophical theory of marxism: cognitive, psychological and ethical. In the work he formulated the theory of messianizm of the proletariat, put forward the principle of a teleologizm and progress in a world history. By means of the appeal to critical philosophy and a neokantianism N.A. Berdyaev tried to strengthen gnoseologically the philosophical theory of marxism, keeping its sociological doctrine. On the basis of critical philosophy he gradually evolved towards idealism. The period of critical marxism became for Berdyaev an important stage of independent philosophical creativity in which he for the first time constituted the philosophical outlook.

Key words: N.A. Berdyaev, critical marxism, neokantianism, transcendental consciousness, teleology, progress, ethics.